

Фомина Татьяна Юрьевна

ЕПИСКОПСКАЯ ВЛАСТЬ И МИРСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

В статье на основе комплекса исторических источников и историографии раскрывается проблема возникновения мирских храмов на Руси, прослеживается динамика изменения положения попов в церковной иерархии. Характерной чертой домонгольского периода является прямая зависимость статуса и особенностей служения мирского духовенства от княжеской власти, ктиторов церквей, городских общин; попытки регулирования деятельности священников епископской властью относятся к XII веку.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/9-1/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (35): в 2-х ч. Ч. I. С. 187-191. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье на основе комплекса исторических источников и историографии раскрывается проблема возникновения мирских храмов на Руси, прослеживается динамика изменения положения попов в церковной иерархии. Характерной чертой домонгольского периода является прямая зависимость статуса и особенностей служения мирского духовенства от княжеской власти, ктиторов церквей, городских общин; попытки регулирования деятельности священников епископской властью относятся к XII веку.

Ключевые слова и фразы: Древняя Русь; церковная иерархия; епископы; духовенство.

Фомина Татьяна Юрьевна, к.и.н.

Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов

stal73@yandex.ru

ЕПИСКОПСКАЯ ВЛАСТЬ И МИРСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ®

Одним из аспектов реализации епископской власти являются отношения правящих архиереев с расположенными на территории их епархий немонастырскими храмами, их духовенством и патронами, а также с существовавшими при этих церквях общинами, которые традиционно, хотя и не вполне правомерно по отношению к каноническим реалиям X-XIII вв., называют приходами [32]. Возникновение подобных храмов и общин тесно связано с процессом формирования самой церковной организации и её институтов. В традиционной историографии, восходящей к работам XIX – начала XX в., формирование церковной организации относится к времени после принятия христианства Владимиром Святославичем. Как правило, с этого момента принято говорить о возникновении высших форм церковной организации, учреждении киевской митрополичьей кафедры и ряда епархий [24, с. 172-206].

Однако необходимо констатировать, что и до крещения Руси в Киеве, а возможно, и в других городах существовали христианские храмы, каноническая связь которых с какими-либо епископскими кафедрами и монастырями никак не прослеживается. Так, «Повесть временных лет» свидетельствует, что при князе Игоре дружины-христиане приносили клятвы «в церкви святого Ильи» [30, с. 53], а на месте «могиль» (кургана) Аскольда некий Олма «поставил церковь святого Николу» [26, с. 107]. К сожалению, исторические источники не сохранили сведения о других церквях этого периода [32], следовательно, мы не можем судить о реальном размахе церковного строительства на территории Руси. Более того, открытый остается вопрос, под чьей юрисдикцией находились данные храмы.

Если в описываемое время, насколько нам известно, архиерейская власть отсутствовала на территории Киевской Руси, то возникает вопрос: кто рукополагал священников для служения? Остается лишь предполагать, что, возможно, первые христианские храмы Руси находилась под патронатом константинопольского патриархата, крымских или балканских епископий и иных, в том числе западноевропейских миссий. Обозначенная проблема прозвучала в целом комплексе работ [9; 11; 15; 18; 22; 24; 31]. Однако нельзя исключать и того, что существовавшие на Руси храмы, проблема владения и патроната над которыми так и не получила научного разрешения, продолжительное время могли и не иметь постоянного клира. В частности, церковный устав допускает совершение целого ряда служб мирянами и без участия священнослужителей: последования вечерни, повечерия, полунощницы, утрени, часы с изобразительными, начинающиеся не иерейским возгласом «Благословен Бог наш», а словами «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас». Поэтому свидетельство «Повести временных лет» – «мнози бо беша варязи хрестеяни» – совершенно не означает, что эти христиане были объединены клиром.

Таким образом, в случае с Ильинским храмом, который чаще всего рассматривается в качестве соборного, мы имеем дело с особой формой организации руководства христианской общиной. Ее главой вполне мог быть не священнослужитель, а избранное из лучших мирян лицо, которое могло выполнять и ограниченные богослужебные обязанности, как это было принято во времена раннего христианства. Тем более эта ситуация хорошо накладывается на реалии древнерусского общества со свойственными ему разнообразными формами патроната, в том числе в отношении храмовой собственности [29; 36]. Подобная ситуация прослеживается в более позднее время в Новгороде в уличанских и корпоративных церквях, например, патрональной церкви Ивана на Опоках для купцов вощников [35, с. 152-153]. Не менее яркий пример, подчеркивающий низкий статус мирского духовенства, содержится в Уставе кн. Всеволода, где указывается, что князь обсуждал данный документ «с владыкою и с своею княгинею, и с своими боляры, и с десятию сочьскими и с старостами: дал есм суд и мерила» [34, с. 151], а попы такой чести не удостоились.

К числу первых сведений о духовенстве на Руси относятся известия, связанные с именем княгини Ольги; священник Григорий упоминается в ее окружении во время пребывания при дворе Константина Багрянородного [14, с. 146] и некое духовное лицо при описании похорон княгини (969 г.) [30, с. 66]. Однако и

в этих случаях полный сан и каноническая юрисдикция (подчинённость конкретной кафедре) этих священников неопределенна. Можно лишь предположить, что Георгий и указанный священник (а возможно, это одно и то же лицо) были представителями восточного, византийского, христианства.

Следующее упоминание о мирском духовенстве сохранилось в рассказе о прибытии на Русь греческой царевны Анны, супруги князя Владимира Святославича. Известно, что её сопровождали священники [Там же, с. 109], но и в описываемом случае ни их количество, ни их церковный статус, ни цели миссии никак не объясняются ни русскими, ни иными источниками. Например, Йахия Антиохийский сообщает, что византийский царь Василий послал на Русь митрополитов и епископов, окрестивших князя Владимира, и «всех, кого обнимали его земли, и отправил к нему сестру свою, и она построила многие церкви в стране русов» [12, с. 105]. Не замечена деятельность этого духовенства и в латинских источниках, не скупившихся на нелестные характеристики Владимира. Скорее всего, «попы царицыны» были личными духовниками киевской княгини, либо вошли в состав ее свиты непосредственно перед отъездом на Русь. В итоге выявить прямые связи данных духовных лиц с зарождающейся церковной иерархией Рузы не представляется возможным.

В этой связи интересно другое известие «Повести временных лет» о том, что «Владимир поставил церковь святаго Василья ...; и нача ставити по градомъ церкви и попы» [30, с. 116]. Источник недвусмысленно свидетельствует, что инициатива поставления клира принадлежит не епископской власти, о которой не было и слова, а княжеской, «приставившей» священников служить в нововыстроенных церквях.

Так или иначе, строительство мирских церквей начинается в крупных политических центрах Руси – Киеве [Там же, с. 119], Белгороде [16, с. 66], Переяславле [Там же, с. 69], Новгороде [26, с. 181], Смоленске [1, с. 236]. При этом первые городские храмы, возведённые по инициативе князя, в основном строятся как кафедральные. Исключение составляют, пожалуй, только Новгород, где церковь в честь св. Иоакима и Анны заложена епископом Иоакимом Корсунянином [19, с. 536], и Ростов, где епископом Федором был выстроен дубовый храм Пресвятой Богородицы [21, с. 93]. Примечателен и выбор мест для строительства первых после принятия христианства церквей. Они строятся по местам поклонения местного населения языческим богам, но инициатива также исходит от князя Владимира: «повеле рубити церкви и поставляти по местом, идеже стояху кумири» [30, с. 116]. Вероятно, обозначенная особенность объясняется тем, что значительная часть пришедшего на Русь духовенства не сумела пока интегрироваться в среде славянского населения. Миссионерской деятельности мог мешать языковой барьер, незнание местной культуры обычаев, сопротивление автохтонного населения насилиственной христианизации, отсутствие средств на строительство церквей и обустройство места служения (огромные по тем временам средства), да и отсутствие регулярной церковной жизни и сформированной иерархической структуры.

Этот факт подтверждается и наличием духовных лиц при княжеских дружинах, а следовательно, не связанных с конкретными церквями и их общинами [Там же, с. 171]. Так, известие о попе Яневе, описанное в «Повести временных лет» под 1071 годом, не позволяет определить роль священника в данном походе, она могла быть различной. Он мог быть духовником Яна Вышатича и его крещеных дружинников, мог выполнять миссионерские функции по христианизации языческого населения северо-восточной Руси, быть доверенным лицом архиерея, наблюдающим за сбором даны с населения. Вероятно, с подобными целями был взят в поход на Югру новгородским воеводой Ядреем поп Иванка Леген [26, с. 40-41]. Но ясным остается одно – прослеживается устойчивая связь мирского духовенства с княжеской властью. Не случайно под 1097 г. указывается, что за князем Василько после ослепления ухаживает близкий ему священник с супругой [30, с. 252].

Все это свидетельствует об определяющем влиянии княжеской власти на все стороны духовной жизни, в том числе на выбор места и строительство церквей, на формирование из пришлого духовенства клира ведущих соборных храмов, на поставление мирского духовенства, что, впрочем, не исключало последующего проведения архиереями обряда рукоположения. Во всех этих начинаниях роль епископата либо никак не прослеживается, либо была минимальной, как это видно на примере Иоакима Корсунянина, который лишь выполнял волю князя и без его поддержки не был способен даже войти в свой кафедральный город. Однако правомерно предположить, что при нехватке священнических кадров часть церквей могла не иметь постоянного клира.

Особого внимания заслуживают известия о домашних церквях. Впервые с их упоминанием мы встречаемся в «Ответах Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа», составленные, по всей видимости, в 1060-х – начале 1070-х гг. [33, с. 244]. Кроме того, в Новгороде на территории усадьбы «А» Неревского раскопа, по мнению ряда исследователей, фиксируются остатки деревянной домовой церкви, просуществовавшей с конца X до середины XIII в. [13; 23, с. 87]. В житии Алимпия Иконописца, помещенном в Киево-Печерский Патерик, сохранились еще два известия конца XI – начала XII в. о состоятельных киевлянах, заказавших мастеру иконы для домовых церквей [27, с. 123, 125]. В первом случае хозяин, прибывший за иконой с большой дружиною, делал заказ лично, а во втором – иконы заказывались для нужд «господина» и его «домашних». Следовательно, уже для изучаемого периода существовало принципиальное различие между домашней церковью, где разрешено совершать только литургию, и приходской, соборной, предназначеннной для полноценного богослужения [33, с. 244]. При этом домовые церкви могли не иметь постоянного духовенства, священники могли приглашаться лишь для проведения конкретных служб. В этой связи остается открытой проблема: какие именно священнослужители могли выполнять таковые функции –

исключительно мирские или к данному служению допускалось монашествующее духовенство? Не менее интересно уточнить, где в этом случае проживал священнослужитель [23, с. 92-99].

Совершенно очевидно, что само духовенство всячески приветствовало такое служение, поскольку подобные требы становились существенным источником дополнительного дохода, например, церковные по-минания, крещение, отпевание и др. [3; 33]. Правда, в этом случае оплата организации службы нередко возлагалась на самого священника. «Вопрошание Кирикова» указывает на то, что названные вопросы в XII в. начинают регламентироваться епископатом. Однако в отношении X-XI вв. реконструировать взаимоотношения белого духовенства с епископской властью не представляется возможным.

Наиболее архаичной формой низшего церковного округа в сельской местности следует считать погост. Погост прошел в своей истории ряд трансформаций. В X в. погосты — это места сбора дани, установленные княгиней Ольгой [2]. Постепенно погост превратился в центр административного округа. Погостом называли и сам округ, и его центральное поселение. Именно погосты с древнейших времен стали местом, где ставились церкви, строились дома священников и церковнослужителей. Правда, данное утверждение не имеет достаточных оснований, поскольку первые описания погостов относятся к XIV в. [Там же]. Однако это не означает, что погосты не могли выступать не только административными, но и церковными опорными пунктами княжеской и церковной власти.

В XII в. ситуация существенно меняется: расширяется круг полномочий митрополита и епископата, происходит сближение епископов с местными городскими элитами и наблюдается существенное увеличение числа духовенства в городах, что в свою очередь возвысило роль епископского суда, более того, наблюдается рост материальных запросов архиереев [8]. Всё перечисленное в совокупности способствовало усилению влияния архиереев на дела мирских храмов и мирского духовенства.

Наблюдаемое с XII в. увеличение епископского строительства [19, с. 29-30; 20, с. 348-349] и борьба кафедр с храмами и монастырями за подчинение епископиям местного духовенства [16, с. 239; 19, с. 141] должны рассматриваться не только в качестве маркера роста епископских амбиций, но и как результат вовлечения древнерусских иерархов в дела своих христианских общин и городских элит. Уже для XII-XIII вв. традиционна ситуация, когда в рамках епископии действовало определенное количество «приходских» храмов с клиром, находящимся в непосредственном подчинении епископа.

Проблема заключается в том, что термин «приход» регулярно встречается в источниках, лишь начиная с середины XVI в. [2; 32], однако это не значит, что организованной общинной жизни при церкви до этого времени не существовало. В изучаемый период она отличалась большим своеобразием. Фактически, если известно, что в селе, деревне, городе стояла церковь, то у священника этой церкви были духовные дети, т.е. лица, регулярно приходившие к исповеди, и такие церкви следует, по сути, считать приходскими, даже если в источниках они таковыми не называются. Подтверждают данную мысль Канонические ответы митрополита Георгия и, позднее, владыки Нифонта, в которых рассматривается проблема перехода христианина от одного духовного отца к другому [3, с. 429; 33, с. 236]. Следовательно, к концу XI – XII в. формируются устойчивые связи между христианами и священством конкретных церквей, прежде всего корпоративных, уличанских, сельских и др., и епископат пробовал регулировать их. Правда, инициатива исходила от монашествующего священства, в данном случае – от игумена Германа и domestika Кирика, выступавших в роли духовников и представителей епископа.

Нельзя забывать и про кафедральные епископские церкви, которые следует отнести к типу соборных, объединявших мирское (городское и сельское) духовенство епископии. Их духовническая деятельность практически не прослеживается. Однако источники сохранили указания на то, что их обязанности были тесно сопряжены с хозяйственными и юридическими обязанностями. Примером этого может служить 25 граффити киевского Софийского собора о покупке земли для Кириллова монастыря [4; 5]. Всё выше сказанное подтверждает то, что с ростом христианизации населения и увеличением количества церквей активность церковной организации в лице её епископата и духовенства возрастает.

С XII в. церковное строительство присутствует уже в селе. Оно было представлено храмами на территориях погостов и княжеских сёл-замков, таких как резиденция смоленских князей [1, с. 125-132] или село Боголюбово князя Андрея Юрьевича (1158 г.) [17, с. 330-331]. Сохранилось известие о церкви на территории боярских сел. Вкладная прп. Варлаама Хутынского (в миру боярин Алекса Михайлович) в основанный им Спасский монастырь (1192-1210 гг.) свидетельствует, что в «село на Слудици за Робиено», пожалованном Варлаамом «святому Спасу», стоит церковь: «и божница в нем святого Георгия» [10, с. 458; 37, с. 206-211].

В XII-XIII вв. формой организации сельского прихода можно считать уезд [2; 32]. Это был достаточно большой округ, в котором, вероятно, была не одна церковь или часовня. Следовательно, священнослужители вынуждены были переезжать с места на место, посещая своих духовных детей и совершая богослужения в различных местах, либо жителям данной местности приходилось значительное время добираться до храма, где служил священник [32]. Этую практику описывает «Вопрошание...», но важно отметить, что особенности несения службы и сложности, с которыми сталкиваются сельские священники, не были известны владыке Нифонту, о них ему сообщают Кирик и Савва, которые знают об этих проблемах не понаслышке [3, с. 424-425]. Таким образом, можно констатировать, что епископат был очень далёк от бедствий и нужд священства [28]. К концу XIII в. количество церквей увеличилось, в большей степени возросло число священнослужителей. Происходит четкое разграничение территории церковных округов, в частности, от имени епископской

власти исходят запреты на служение, крещение, отпевание и др. попом на территории чужого округа, с целью упорядочить церковную жизнь и доходы священнослужителей [3; 8]. Следовательно, к этому времени начинает формироваться территориальная структура некоторых русских епископий, можно говорить о реализации таких аспектов архиерейской жизни, как наблюдение за канонической чистотой служения, соблюдение неприкосновенности границ церковных округов, рукоположение священников [26, с. 27]. Правда, и в этом случае инициатива принадлежит духовенству [7, с. 91-92], а следовательно, правомерным остается вопрос о полноте реализации архиерейской власти в рамках епископии и степень расположленности высшего духовенства к исполнению своих пасторских обязанностей.

Список литературы

1. Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX-XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.: Наука, 1980. 261 с.
2. Баловнев Д. А. Приходское духовенство XV – начала XVI века по новгородским писцовым книгам (численность и особенности состава) // Отечественная история. 2004. № 4. С. 131-139.
3. Вопрошание Кириково // Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М.: Круг, 2011. Вып. 7. С. 413-429.
4. Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI-XVII вв.). Киев, 1976. 456 с.
5. Гайденко П. И. Еще раз о 25 граффити Софии Киевской. Было ли это граффити древнейшим русским актом? И зачем его оставили на стене храма? // Гайденко П. И., Москаleva L. A., Fomina T. Yu. Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы: монография. М.: Университетская книга, 2013. С. 104-110.
6. Гайденко П. И. Церковные суды в домонгольской Руси: несколько наблюдений // Гайденко П. И., Москалева Л. А., Фомина Т. Ю. Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы: монография. М.: Университетская книга, 2013. С. 55-62.
7. Гайденко П. И., Фомина Т. Ю. О церковном статусе Кирика Новгородца и иных составителей «Вопрошания» // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 16. С. 83-92.
8. Гайденко П. И., Фомина Т. Ю. Пределы канонической власти архиереев в домонгольской Руси: богослужебный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 9. Ч. 2. С. 38-44.
9. Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 2002. Т. 1. Период первый, Киевский или домонгольский. Ч. 1. 802 с.
10. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. Изд-е 2-е. М., 2004. 872 с.
11. Иванов С. А. Миссия восточнохристианской Церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. С. 16-39.
12. Йахая Антиохийский. История // Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. Т. III. Восточные источники. С. 105-106.
13. Конецкий В. Я., Самойлов К. Г. О некоторых аспектах культуры средневекового Новгорода // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. Вып. 7 (17). С. 3-17.
14. Константина, христолюбивого во Христе самом вечном царе василемса, сына мудрейшего и приснопамятного василемса Льва, сочинение и во истину царского усердия достойное творение // Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. Т. II. Византийские источники / сост. М. В. Бибиков. С. 143-146.
15. Костромин К. А. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до сер. XII в.): дисс. ... к.и.н. СПб., 2011. 241 с.
16. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 288 с.
17. Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1897. 512 с.
18. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: история христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской Церкви. М., 1994. Кн. 1.
19. Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи. 992-1892. М., 2003. Т. 1. 543 с.
20. Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи. 992-1892. М., 2003. Т. 2. 607 с.
21. Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи. 992-1892. М., 2003. Т. 3. 487 с.
22. Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М.: Круг, 2011. Вып. 7. 544 с.
23. Мусин А. Е. Церковь и горожане средневекового Пскова: историко-археологическое исследование. СПб., 2010. 364 с.
24. Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.
25. Настольная книга священнослужителя [Электронный ресурс]. URL: http://azbyka.ru/tserkov/bogosluzheniya/liturgika/nastolnaya_kniga_svyaschenosluzhitelya_10-all.shtml (дата обращения: 25.07.2013).
26. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Рязань, 2001. 640 с.
27. Патерик Киевского Печерского монастыря / под ред. Д. И. Абрамовича. СПб., 1911. 262 с.
28. Петр (Гайденко П. И.) Зарисовки повседневной жизни древнерусских архиереев: стол и достаток // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2013. № 1. С. 84-105.
29. Пётр (Гайденко), иером. Были ли епископат и духовенство Киевской Руси феодалами? // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: материалы всероссийской научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 18-20 апреля 2010 г.) / отв. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург, 2010. С. 85-89.
30. Повесть временных лет // Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1897. С. 1-274.
31. Присёлков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. СПб., 2003. 246 с.
32. Стефанович П. С. Некняжеское церковное строительство в домонгольской Руси: Юг и Север // Вестник церковной истории. 2007. № 1. С. 117-133.

33. Турилов А. А. Ответы Георгия, митрополита Киевского, на вопросы игумена Германа – древнейшее русское «вопросение» // Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004. Вып. 11. Славяне и их соседи. С. 211-262.
34. Устав Великого князя Всеволода о церковных судах и о людех, и о мерилах торговых // Гайденко П. И., Фомина Т. Ю. История Русской Церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси (обзор письменных источников). М., 2009. С. 151-152.
35. Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках // Гайденко П. И., Фомина Т. Ю. История Русской Церкви и церковно-государственных отношений в Киевской Руси (обзор письменных источников). М., 2009. С. 152-153.
36. Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье: сб. М., 2007. 528 с.
37. Янин В. Л. Новгородские акты XII-XV вв.: хронологический комментарий. М.: Наука, 1990. 384 с.

EPISCOPAL AUTHORITIES AND WORLDLY CLERGY IN PRE-MONGOL RUSSIA

Fomina Tat'yana Yur'evna, Ph. D. in History
Naberezhnye Chelny Institute of Social-Pedagogical Technologies and Resources
stal73@yandex.ru

The author, basing on the complex of historical sources and historiography, reveals the problem of worldly churches origin in Russia, traces the dynamics of priests' position change in church hierarchy, tells that the characteristic feature of the pre-Mongol period is the direct dependence of worldly clergy status and service features on princely authorities, churchwardens, urban communities; and shows that the attempts to regulate the activity of priests by episcopal authorities belong to the XIIth century.

Key words and phrases: Ancient Russia; church hierarchy; bishops; clergy.

УДК 930.23

Исторические науки и археология

В статье освещается методика отбора советских журналов с помощью «Летописи журнальных статей», которая позволяет произвести репрезентативную отборку источников для сложных междисциплинарных исследований, которых с каждым годом становится все больше. Главным при отборе источников исследования с помощью предложенной методики является их «контентное» наполнение, тогда как цели и задачи исследователя, а также аудитория журнала играют вторичную роль.

Ключевые слова и фразы: советская пресса; советские журналы; СССР; 1930-е годы; средства массовой информации.

Хамитова Жанна Александровна

Казанский (Приволжский) федеральный университет

hamitovaga@gmail.com

МЕТОДИКА ОТБОРА ИСТОЧНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ С ПОМОЩЬЮ «ЛЕТОПИСИ ЖУРНАЛЬНЫХ СТАТЕЙ» (НА ПРИМЕРЕ ТЕМЫ СОВЕТСКОГО ДЕТСТВА 1930-Х ГГ.)©

Сложность и междисциплинарность такой темы исследования, как советское детство, а также количественное и качественное разнообразие советских журналов 1930-х гг. привели нас к справочному библиографическому изданию – «Летописи журнальных статей» (далее – «Летопись») [6]. «Летопись», созданная для удобства поиска тематических статей для дальнейших исследований, в нашей работе сама стала объектом анализа, так как она позволяет исследователю понять конъюнктуру информационного поля журнальной периодики и ее динамическое развитие в изучаемый период.

Пресса, и печатная в частности, – многокомпонентная и сложная структура, где ее составной единицей является издание (журнал или газета), а его, в свою очередь, наполняет разнообразный, разноплановый контент (статьи, письма, заметки и прочее). Вся структура СМИ держится на одной общей абстрактной задаче передачи информации. В самой структуре периодической печати можно выделить следующие уровни (или формы) передачи этой информации.

«**Текстовый**» – уровень, который чаще всего анализируется историками, уровень, которому придается максимальное значение. Здесь важно как количество отдельных текстовых единиц по той или иной теме – как показатель интереса, так и качество информационного наполнения этих единиц.

«**Внутри журнальный или контентный**» – это уровень отдельных статей и их взаимное внутри журнальное соотношение. То, что дает цельное представление об информационном наполнении конкретного журнала.